

Вырезка из газеты

МОСКОВСКИЙ БОЛЬШЕВИК

от

9 * ИЮЛЬ 40

Москва

Зрелый художественный коллектив

Стремление к сценической правде, к театральности, не переходящей в театральщины, к идейности, не сбивающейся на поучения и наставления, — вот что определяет искания Харьковского драматического театра, гастролирующего сейчас в Москве. Художественное руководство театра неоднократно показывало, что оно умеет избегать линии наименьшего сопротивления, не бояться творческого риска — и в большинстве случаев выходит победителем. Такой бесспорной победой явилась в недавнем прошлом для него постановка пьесы Погодина «Человек с ружьем», где А. Г. Крамов создал очень волеющий, исключительно обаятельный и проникновенный образ Ленина. Этот спектакль оказался этапным для путей развития Харьковского драматического театра.

Серьезным испытанием художественной зрелости коллектива явилась безусловно и одна из последних постановок театра — «Три сестры» Чехова.

В трагедии обитателей дома Прозоровых театр увидел трагедию жизни, задавленной пошлостью мещанского окружения, трагедию людей, талантам и способностям которых не было применения в той страшной действительности, людей, одухотворенных, чистых, мечтающих о светлом и разумном будущем, но не видящих путей к нему и не приспособленных к борьбе за него.

Можно было бы указать и на ряд недостатков, порою весьма существенных в этом спектакле: не совсем чистую подачу прозрачного чеховского слова, на серое исполнение некоторых маленьких, но в чеховском драматургическом «хозяйстве» очень пухлых и опутимых ролей (подпоручиков Роде и Федотика), на нотки слащавости, звучащие в знаменитых монологах Тузенбаха и Вершинина в исполнении А. Глаголина и В. Матова.

Но за всем этим не исчезает основное в спектакле — его обличительная горечь, тот пленительный чеховский лиризм чувства и мысли, который свойственен большинству персонажей пьесы.

В совершенно ином плане другая постановка — «Хищница» (постановщик В. Аристов). В этой инсценировке Фабра, сделанной по роману Бальзака «Жизнь холостяка», театр дает резкие характеристики, необходимые для того, чтобы показать «сдержанность» бальзаковских персонажей, их неуступчивое, безрассудное служение божеству, имя которого, по известному выражению Маркса и Энгельса, «голый интерес, бессердечный «чистоган».

Игра актеров облекает в плоть и кровь знаменитую формулу основоположников марксизма о том, что в буржуазном обществе «личные достоинства человека» превратились «в меновую ценность», что «буржуазия сорвала с семейных отношений их трогательно сентиментальный покров и свела их к чисто денежным отношениям».

Центром внимания в этом смысле является в спектакле игра В. Матова — исполнителя роли полковника Филиппа Бридо. Матов с огромной силой и напором проводит эту роль, в которой он гораздо больше овладевает вниманием зрителя, нежели в роли Вершинина в «Трех сестрах». Судя по всему, Матов — актер яркого темперамента, ему сподручнее играть людей сильных, волевых, целеустремленных, нежели бездейственных мечтателей. Предположительно это, возникшее после того, как мы увидели Матова в роли Филиппа Бридо, перешло в уверенность, когда мы услышали в исполнении того же актера последний монолог Роберта Кэплена в «Опасном повороте» Пристли. Здесь опять-таки со всей убедительностью проявил себя актер, талант которого ярче всего дает себя чувствовать в ситуациях остро-драматических.

«Опасный поворот» — удача всего коллектива Харьковского театра. Постановка этой пьесы имеет свои специфические трудности, коренящиеся в самой структуре пьесы. Как сыграть три акта, в которых, по сути дела, нет никакого дейст-

вий, и в процессе этой беседы возникает потрясающая картина из жизни современной английской буржуазии. Случайный повод оказался достаточным, чтобы выяснилось, что respectable, всеми уважаемая группа друзей, собравшаяся в гостинице Кэплена и приводящая в такое умиление чувствительную писательницу Мокридж, представляет собою на самом деле не что иное, как компанию преступников, убийц, развратников и воров!

Театр сумел неплохо передать внутреннее драматическое движение конфликтов, лишенных, казалось бы, элементарных признаков сюжетного оформления, в сфокусированной реалистической манере, без эксцентрических излишеств, с которыми мы уже встретились в ряде постановок «Опасного поворота».

Успех Харьковского театра — это, конечно, успех многих его актеров, показавших незаурядное мастерство и значительную сценическую культуру. В первую очередь следует, разумеется, выделить актера А. Крамова (он же художественный руководитель театра), выступившего в Москве в двух ролях — Чебутыкина в «Трех сестрах» и профессора Полежаева в «Беспокойной старости». Как чудесно показывает Крамов в Чебутыкине грустную старость, опустошенность, несуществующие надежды, душевное одиночество и в Полежаеве — «беспокойную старость», полную творческих порывов, радость удовлетворенного чувства, счастливого сознание человека, ощутившего свою кровную связь с народом.

Горячие симпатии московского зрителя завоевала актриса А. Воронович: ее Ирина из «Трех сестер» и Анна Каренина — образы, в которые вложено много сердца, много обаяния и благородства, и потому так неотразимо их влияние на аудиторию. Подкупает своей чистотой и искренним драматизмом переживаний в исполнении Воронович и Олуэв в «Опасном повороте».

Привлекает особенностями своего дарования, мягкого в задумчивом, артист Л. Колобов, но нам кажется, что в роли Жап-Жака Руже в «Хищнице» артист несколько продолжает... Кузыгина из «Трех сестер». А ведь бесхарактерность Руже совсем иного порядка, чем бесхарактерность недалекого чеховского персонажа: Руже у Бальзака не только смешон и жалок, но и отвратителен, он, как и прочие бальзаковские персонажи, тоже раб своей страсти, в нем также есть черты хищника, только уже одряхлевшего. Все это в образе, созданном Колобовым, нет.

Хочется отметить и некоторых других талантливых членов коллектива Харьковского театра: Н. Тамарову — очень убедительную в двух таких контрастных ролях, как Мама в «Трех сестрах» и Фреда Кэплена в «Опасном повороте»; К. Суковскую, с большим темпераментом показывающую хищницу в Флоре Бразье и человеческое — в хищнице; В. Золотарева, одинаково впечатляющего в роли философиствующего циника Стэнтона (в «Опасном повороте») и бездушного себялюбца, автоматизированного чиновника, раба кастовой, светской «морали» — Каренина в «Анне Карениной». Запоминаются и молодые актрисы Л. Башкирова и Н. Скоркина: первая — в роли Наташи («Три сестры»), наглой и деспотичной мещанки, постепенно освобождающейся от сдерживающих ее «условностей»; вторая — в роли Бетти («Опасный поворот»), под невинным, почти детским обликом которой артистка превосходно угадала порочные инстинкты и редкую способность к маскировке.

Харьковский театр обладает хорошим, талантливым актерским коллективом, отличающимся большим трудолюбием и много работающим над собой, над подпитием своего культурного и идейно-художественного уровня. Это лучшая гарантия дальнейшего творческого роста театра, по достоинству оцененного московским зрителем.

Я. ЗИДЕЛЬМАН.